

А. А. КИРЕЕВ

Воссоединение Церквей и славянство

<Фрагменты>

Под заглавием «Славянский вопрос» появилась в последнем (6-м) № «Известий славянского общества» обстоятельная статья В. С. Соловьева, в которой он излагает свои взгляды на воссоединение Церквей в связи с решением славянского вопроса. С основной мыслью почтенного автора (необходимость воссоединения Церквей), конечно, нельзя не согласиться, но средства, которые он предлагает, условия этого воссоединения должны быть отвергнуты самым решительным образом.

Приступая к вопросу о воссоединении восточной и западной церквей, автор становится на несколько новую точку зрения; он желает придать этому воссоединению, и основанному на нем церковному единству вселенской Церкви, характер, отличный от того, который был ему придан на соборах в Лионе, Флоренции и Бресте. Это более высокое единство, освобожденное от узких рамок «унии», понимаемой как подчинение одной Церкви другой, могло бы удовлетворить Церковь Восточную; мы, православные, были бы довольны такой постановкой вопроса; пусть Западная Церковь придет в такое положение, которое даст нам возможность признать полную ее правоту, полную законность ее догмата, и *мы* ничего большего от нее не потребуем. Мы не ищем никакого себе «подчинения», никакого «подданства», никакого признания нашей «власти»; но Рим, конечно, не удовольствуется таким платоническим единением, такой «высшей точкой зрения». Думаю, напротив, что он так-таки и потребует *унии в ее обыкновенном историческом смысле*, что он потребует именно того, чего требовал и в Лионе, и во Флоренции, и в Бресте! Ведь он и *не может* иначе поступить; недаром же папа сделался непогрешимым главой Церкви, дающей благословение «*urbi et orbi*»¹, и получил право обращаться к ним с своими *непогрешимыми* учениями! Ошибка

почтенного автора состоит в том, что он имеет в виду не тот католицизм, который существует в действительности, а совершенно другой, ныне уже не существующий и существовавший лишь в отдаленном прошлом. Наши заботы распространяются лишь на правоту, на истинность веры Запада, на православность ее; бóльшего, как сказано выше, мы, православные, у Запада не ищем; мы, стало быть, легко можем стать на точку зрения разбираемой статьи, но, повторяю, на взаимность в этом отношении со стороны Рима рассчитывать нельзя ни в каком случае; думаю, что с этим согласится всякий, изучавший историю католичества. Именно Рим и потребует подчинения себе Востока, потребует унии в самом узком и точном ее значении, чего, по-видимому, и желает избегнуть г. Соловьев, считающий такую унию недостойною представительницею действительного единства Церкви Христовой. Мы не можем забывать уроков истории, когда предлагаем решение какого-нибудь исторического вопроса; что же говорит нам история? Она прямо указывает на то, что Рим именно держится того узкого решения вопроса о соединении Церквей, от которого отрывается г. Соловьев. Рим не только не станет на нашу идеальную, вполне бескорыстную точку зрения, а, напротив, на диаметрально противоположную, ведь он недавно еще говорил православным жителям Западной России: «не беспокойтесь о своем вероучении, мы не будем относиться слишком строго не только к вашим обрядам, но даже и к вашим догматам, лишь бы вы признали папу своим главой, лишь бы только вы ему *подчинились!*» Не забудем, что такого рода речи Рим держал в XVII и XVIII столетиях, т. е., когда вопрос о самодержавии Западной Церкви еще не был решен в пользу римского первосвященника, когда только что были опубликованы знаменитые галликанские положения Боссюэта. Может ли папа говорить иное теперь, когда он выиграл свой тысячелетий процесс против свободы человеческой совести. Может ли он, напротив, не усилить еще своих требований!?

Приступая к рассмотрению сущности так называемых славянофильских теорий, В. С. Соловьев говорит, что они тесно связаны с вопросами свойства религиозного, что мы, славянофилы, признаем православие вселенской Церкви за высшее начало и за основание нашей жизни. Г-н Соловьев признает основание это вполне непреложным, «вопрос, — говорит он, — может быть лишь о том, *что и как* строить на этом основании». Разбирая взгляды славянофилов, г. Соловьев говорит, что они «с братолюбивой сущностью православия связывали и весь строй народной жизни, основанной не на борьбе, а на общинной солидарности, обеспеченной не формальными гарантиями, а взаимным доверием». Далее г. Соловьев говорит, что славянофилы были

уверены в том, что Запад стоит на ложной дороге, что он сказал свое последнее слово, что он «гниет», что нам не должно присоединяться к культуре Запада, что мы должны ее отвергнуть. С этим почтенный автор разбираемой статьи уже не соглашается, он говорит: те признаки исторической смерти и наступающего разложения, которые указываются славянофилами в западной цивилизации, говорит он, никак не принадлежат католической культуре, основанной Григорием VII и Людовиком Святым, Данте и Рафаэлем, Альбертом Великим² и Фомой Аквинатом... та Европа, которая «гниет», есть Европа антихристианская, в частности антикатолическая.

Тут необходимо оговориться: совершенно справедливо говорит г. Соловьев, что в воззрениях нашей так называемой славянофильской народной партии идея Церкви неразрывно связана с идеей государства, что вселенское православие признается ею за основное начало и духовной, и гражданской жизни, что современные идеалы Запада кажутся нам «ложными богами» и что мы не желаем менять на них наши собственные истинные идеалы, но из этого никак еще не следует, чтобы мы становились в *принципиально* враждебные отношения к Западу, ко *всей* его культуре, отказывались бы от всех его научных и нравственных приобретений. Мы обвиняем не весь Запад в гниении, не считаем его погибшим и нисколько не относимся враждебно ко всем тем, которые не могут усвоить, принять все наши жизненные начала — к тем, которым эти начала еще не понятны, для кого они еще неудобоприемлемы, как, например, для поляков, чехов и других славян, на которых указывает г. Соловьев и которые не обнаруживают, по его словам, никакой готовности «оторваться от католической Европы и войти в *состав* грековосточного царства».

Повторяю, тут нужно оговориться: мы не только не думаем отказываться от приобретения западной культуры, но, напротив, желаем принять от нее все то, что составляет ее безусловно хорошую сторону, то, что составляет ее «правду»; мы берем из этой культуры все «вечное», но не преходящее, случайное, не имеющее общего значения; и это относится не только к современной западной культуре, но и еще более к культуре классической, составляющей основание самой западной культуры; но в эти пределы, конечно, не войдет многое из того, чему г. Соловьев, по-видимому, сочувствует. Западная культура есть, по его словам, культура специально католическая, но именно эту-то ее сторону (католическую) мы и отвергаем в особенности, если под словом *католическая* мы будем разуметь ту враждебную Востоку сторону ее, которую представляют Григорий VII и Фома Аквинский (приводимые в пример г. Соловьевым). Мы, конечно, всячески будем бороться с культурой, основанной на мирозозерцании Бюхнера

и Луизы Мишель, тоже цитируемых почтенным автором, будем всячески оберегать от нее наш народ, нашу учащуюся молодежь, ибо эта культура, действительно, «антихристианская», атеистическая, вводит гниение в организм Западной Европы и безусловно враждебна жизненным началам России; но мы должны отказаться и от той специально католической культуры, которой представителями служат Гильдебрандт и Аквинат, которая извратила значение и папства, и всего католичества, и *которая привела его к Ватиканскому собору*; можно ли от нас требовать, чтобы мы шли за автором сочинений, в которых прямо выставляются догматами, принятием которых обуславливается спасение человека, *processio a Filioque* или право папы *determinare quae sunt fidei*³ (*Opusculum I contra errores Graecorum*), за автором, который ставит православных на одну ступень с мусульманами (*Opusculum III contra Graecos... et Saracenos*), чтобы мы шли за автором, который опирал свое богословие отчасти и на Исидоровых декреталях?!

Я сказал, что народная, «славянофильская» партия не думает отказываться от приобретений культуры Запада, насколько она имеет характер общечеловеческий, безусловный, но эта культура имеет весьма мало общего с той специально католической культурой, которая испытала влияние Григория VII и св. Фомы Аквинского и которой, по-видимому, сочувствует г. Соловьев; трудно, например, причислить к сей последней Данте, столь сурово относившегося к тогдашнему Риму, отказавшегося от гвельфских традиций своего семейства, от первоначальных своих гвельфских мнений; еще менее можем мы отнести к ней Рафаэля той эпохи, когда, высвободившись из-под влияния Перуджино, он сделался одним из наиболее блестящих представителей блестящей эпохи Возрождения, эпохи, коренившейся отнюдь не в католичестве, а основанной всецело на классической древности, не имевшей ничего общего ни с Григорием, ни с Аквинатом, ни с их законным преемником Игнатием Лойолой (гениальным представителем латинской лжи!). Повторяю, ничего общего нельзя найти между культурой специально католической и культурой Возрождения, даже древнейшими представителями ее, например, императором Фридрихом II, Боккачио или Петраркой, нет, от культуры эпохи Возрождения мы столь же мало намерены отказываться, сколько и от культуры классической, служащей основанием нашего образования и которой были отнюдь не чужды многие выдающиеся отцы Восточной Церкви. Столь же мало считаем мы желательным и возможным отказаться и от приобретений той культуры, которую г. Соловьев, если только я верно понимаю его мысль, считает внесшей элементы разложения в современное европейское общество.

«Та Европа,— говорит он,— которая “гниет”, есть Европа антихристианская, в частности антикатолическая». Если под этой оговоркой разумеется Европа протестантская, то мы никак не можем согласиться с почтенным автором. Протест Лютера имел безусловно верное основание; его ошибка состояла в том, что он придал ему неподобающее развитие и уничтожил у своих единомышленников самое понятие о Церкви; в этом его ошибка, и ошибка основанного им вероучения, но мы можем пользоваться протестантской культурой, нисколько не принимая ее религиозных оснований. Мы можем пользоваться приобретениями классической культуры, не делаясь язычниками, точно так же приобщаться богатой культуре протестантской (антикатолической), оставаясь вполне православными; ведь и Хомяков, и Киреевские, и Самарин, и многие другие последователи славянофильских теорий глубоко изучали немецких философов прошлого и начала нынешнего столетия (которые все почти были протестантами) и, однако, не пошатнулись в своем православии!

Что касается отождествления протестантизма с антихристианством, то с этим ни в каком случае согласиться нельзя; я не ошибусь, утверждая, что, несмотря на догматическую неправду протестантизма, в государствах протестантских дух христианства держится едва ли не крепче, нежели в государствах католических. Это подтверждается и статистикой преступности. Оказывается, что чем больше в стране римо-католиков, тем более в ней и незаконнорожденных детей. Ошибка, в которую впадает протестантизм, совершенно однородна с первоначальной ошибкой латинства: она состоит в отрицании авторитета вселенской Церкви, в восстании против него; вся разница состоит в том, что латинство нарушило власть вселенской Церкви в пользу папы, поставило его выше Церкви, а протестантизм поставил каждую отдельную личность выше Церкви; у римлян папа решает, что хорошо, что дурно, что истина и что ложь, а у протестантов — каждый отдельный член каждого протестантского союза. Что касается до признаков общественного разложения общества *, «гниения», о котором говорит г. Соловьев, то едва ли в каком бы то ни было протестантском государстве этот разлад так силен, как в современной католической Франции. Разлад этот имеет свою весьма интересную историю; он впервые выразился в официальном документе в 1789 году, когда близорукая французская монархия надеялась неподобающими уступками задобрить революцию. Декларация прав начиналась словами

* Первым внешним признаком такого разложения мы, конечно, должны признать отделение государства от церкви, а внутренним его признаком — понижение политических и социальных идеалов.

«L'Assemblée... en présence et sous les auspices de l'Être suprême»⁴ и т. д. Слово «Dieu»⁵, видно, казалось уже не достаточно «современным»: сказано не «Бог», а «высшее существо»; однако в 1789 году этому высшему существу разрешается еще некоторое, хотя отдаленное, вмешательство в дела Франции (auspices). Редакцией 1793 года это право ограничено, «Богу» разрешается лишь *присутствовать* при действиях представителей французского народа, сказано просто: «En présence de l'Être suprême»⁶; «auspices»⁷ оказались стеснительными. Дальнейшему ограничению прав верховного существа положил конец Наполеон, который, забыв свой памфлет: «*Souper de Beaucaire*», счел с этим *Être suprême*⁸ союз небезвыгодным и начал снова называть его Dieu; он даже вошел в сделку с его «наместником» (конкордат 1801 года), но время взяло свое, и недавно французское правительство решило выпроводить изображение Христа из детских школ. Как ни ошибочны взгляды протестантов на догматическую сторону религии, как ни прискорбны некоторые явления в их религиозной жизни, однако *до такого* разлада ни одно государство протестантское не дошло, и мне кажется, что протестантство не скоро еще откроет доступ в свои народные школы ах *immortels principes*⁹ 1792 года. Во всяком случае, я думаю, что культура протестантская менее опасна для нас, нежели культура католическая, пользы же принесет она нам *бесспорно более*.

Обращаясь к трудному вопросу об отношениях католических славян к славянофильской идее, столь тесно связанной с православием, г. Соловьев говорит: «Славянство западное образовалось под духовным воздействием Рима, славянство восточное — под духовным воздействием Византии. Эта двойственность составляет сущность славянского вопроса (прибавлю от себя — и главное затруднение для его решения)». «Западные славяне, — продолжает г. Соловьев, — не обнаруживают никакой готовности оторваться от католической Европы и войти в состав греко-восточного царства. Ни они не захотят отказаться от католичества, ни мы — от православия». Как же быть? Нужно, чтобы православие и католицизм не исключали друг друга, нужно, чтобы «православный мог быть католиком, не переставая быть православным, и обратно, чтобы католик мог быть православным, оставаясь католиком». Г. Соловьев полагает, что это дело возможное, не противоречащее существованию обеих религий, что антагонизм между Восточною и Западною Церковью имеет преимущественно характер церковно-политический, что он заострился племенным антагонизмом, что когда-то особенности этих Церквей мирно совмещались и что он и впредь должен будет совместиться в полноте вселенской Церкви!

«Западные славяне, — говорит г. Соловьев, — не обнаруживают никакой готовности войти в состав греко-восточного царства». Но кто же от них требует, чтобы они вошли в «*состав*» *нашего* царства или какого-либо иного греко-восточного царства? Такого требования им никто не ставил, такое стремление поглотить, «абсорбировать» остальных славян никто из нас, славянофилов, сколько помнится, и не высказывал. Мы ни в ком не нуждаемся для достижения своей всемирно-исторической цели, мы не желаем ни «аннектировать», ни «абсорбировать» ни чехов, ни сербов, ни болгар, ни каких других перечисляемых г. Соловьевым славян: и нас самих довольно, и земли у нас довольно. Зачем же нам насильно тащить к себе тех славян, которые не захотят оторваться от Европы и войти в состав нашего греко-восточного царства!? Наши отношения к славянам не таковы, и наши заботы состоят совсем не в этом. Заботы эти состоят в том, чтобы другие народы не съели славян и чтобы сами славяне себя не ели; вот наша главная и пока единственная забота; для того чтобы достигнуть этого результата, мы были в состоянии предпринять крестовый поход (войну 1876–1878 гг.), но при этом мы никого не намерены лишать свободы, никого не желаем поработать и к себе не забываем! Видеть славян обеспеченными от гнета иноземца — вот в чем наша задача относительно славянских племен. Как затем организуется их внутренняя жизнь, будут ли они тяготеть к нам, к России, устроится ли изо всех этих свободных единиц какая-нибудь федерация или что другое, об этом гадать трудно, но во всяком случае насильно мы решать этих вопросов не будем, хотя, конечно, для нас не безразлично, каким образом народы эти устроятся, какой характер примет каждая из этих единиц или групп. Мы, конечно, будем жалеть о том, если они, прельстясь внешним блеском западной культуры, усвоят именно лишь внешние стороны ее, а тем более то, в чем именно выражается «гниение» Запада. <...>

<...> Г. Соловьев полагает, по-видимому, что рознь между нами и Западною Церковью не столь принципиальна, сколько она, к несчастью, принципиальна и существенна в действительности. Он полагает, что Запад и Восток находятся друг к другу лишь в отношении схизмы, т. е., что Церковь латинская и Церковь православная — лишь разъединенные части одной вселенской Церкви. *В настоящее время*, т. е. после 1870 года, с таким взглядом согласиться уже невозможно. Позволю себе войти в несколько подробное рассмотрение этого вопроса. Революция 1870 года, совершенная Пием IX, внесла в Католическую Церковь целое учение, которое уничтожило и самый след всякой нравственной свободы в этой Церкви; революция эта подчинила ее воле одного человека, отныне имеющего право предписывать ей не-

погрешимые законы даже без ее согласия и притом не только в делах вероучения, но и в вопросах нравственности. Прежде, до 1870 года, на Западе, в особенности в Германии (Феброний-Гонтгейм)* и Франции (Боссюэт), существовала могущественная школа, отстаивавшая права свободы совести и свободы Церкви; теперь она уничтожена, похоронена; после 1870 года изменился самый принцип церковной жизни Запада, а вместе с тем изменились и его отношения к Востоку. До Ватиканского собора Рим был, действительно, представителем *авторитета*, элемента, конечно, необходимого в жизни Церкви; В. С. Соловьев совершенно прав, доказывая, что в русской Церкви этот принцип недостаточно силен; но теперь его на Западе *нет*. Действительно, авторитетный учитель предполагает все же существование некоторой доли свободы в своих учениках, в тех, которые находятся под его влиянием; которые ему вверены; человек авторитетный не требует бессмысленного поклонения своей мысли своей воле, он ищет добровольного подчинения, а не рабства. Так было прежде на Западе, пока этот принцип не исключал *безусловно* своего корректива — принципа свободы; но теперь мы можем найти в Риме не *авторитет*, а лишь *деспотизм*, ни с какой стороны не применимый к нашему церковному устройству, деспотизм, который, если бы мы вздумали его перенимать у Рима, принципиально бы исказил отношения между нашей Церковью и нашим государством, исказив предварительно и самую нашу Церковь. На эту сторону дела нельзя не обратить особенного внимания. Мирные отношения и органическая связь между Церковью и государством могут существовать лишь в одном случае, именно если Церковь эта — православная, т. е. когда все члены ее, которые вместе с тем — суть и подданные, связанного с Церковью государства, имеют, через своих епископов, право участия в постановлениях соборов своих Церквей. Епископы, отцы соборов, не самостоятельные законодатели, а лишь свидетели вероучения своих духовных чад, своих Церквей. Соборные постановления отцов санкционируются, утверждаются отдельными Церквами и составляют часть учения этих Церквей. Православная Церковь не может вызвать к себе оппозиции в православном государстве, ибо и она, и это государство состоят из одних и тех же лиц. Каждый из нас чувствует себя и членом православной Церкви, и членом российского государства — и даже прежде, преимущественнее членом Церкви, а затем уже членом государства. Тут, очевидно, нет места для столкновения между Церковью

* [Johann von Hontheim (1701–1790), викарный епископ, напечатавший в 1763 г. знаменитое сочинение «De statu ecclesiae et legitima potestate romani pontificis», в котором выступил решительным противником папских притязаний].

и государством; положение это, служащее гарантией прочного мира, конечно, изменилось бы, если бы мы, руководствуясь неприменимым к нам примером Запада, вздумали отделять искусственно и насильственно нашу Церковь от нашего государства. На Западе (в странах католических) это несчастное и роковое разделение совершилось; там Церковь, образуя самостоятельное целое, не связанное органически с государством, преследует цели ему враждебные, стремится подчинить его себе и этим, конечно, вызывает в нем реакцию, которая кончается тем, что государство разрывает с нею всякую связь и, изгнав из школы Христа, превращается в государство атеистическое. Борьба эта и *должна* кончиться подчинением одного из борющихся другому, потому что у каждого из них две различные армии, постоянно враждующие между собою: армия Церкви (папы) и армия государства. <...>

<...> Повторяю, мирный союз Церкви и государства возможен лишь для Церквей и государств православных. Примером такого союза, примером в полном смысле слова *христианского* государства может, преимущественно перед другими, служить Россия, и в этом, как сказано выше, должно состоять и будет состоять то великое учение, которое она может преподать Западу и всему миру.

Такое представление о столь великом значении России может казаться чрезмерным, несколько самонадеянным, но ведь я разбираю данный вопрос с точки зрения теоретической, рассматриваю дело, каким оно должно бы было быть, если бы и в государстве, и в Церкви все шло так, как следует. В действительности нам еще много придется поработать над самими собою для того, чтобы стать в такое положение. Однако мы, несомненно, можем его достигнуть и, даст Бог, достигнем. Мы действительно еще не имели возможности выставить таких великих учителей человечества, какими может славиться мир западный, но ведь мы и на свет явились позднее: в то время, когда в Европе уже роскошно расцветала эпоха Возрождения, мы только что избавлялись от татарского ига! Понятно, что мы отстали от других в отношении культуры; но, несмотря на это, благодаря началам, которые лежат в основании нашей Церкви и нашего государства, мы можем явить миру такое их соединение, при котором интересы и требования обеих сторон, обеих частей союза найдут себе полное удовлетворение и пойдут рука об руку; где чувство патриотизма и религиозности не только не будут исключать друг друга, как в государствах католических, а, напротив, будут друг друга пополнять и усиливать.

Возвращаясь к подробностям вопроса. Г. Соловьев (№ 3 «Известий») говорит, что, требуя для католичества свободы пропаганды, он имел в виду преимущественно свободу «церковной полемики» (вероятно, разумея под этим выражением полемику на почве чисто богослов-

ской, научной, теоретической). Он, конечно, отделяет ее от той скрытой иезуитской пропаганды, которая, не гнушаясь никакими средствами, улавливает души для Рима и которую мы испытали, в особенности в начале нынешнего столетия. Но в этом случае ведь не о чем и хлопотать! Такая полемика вполне осуществима, и конечно, все интересующиеся делом могут знакомиться и знакомы со всеми аргументами, которые может привести апологет латинства в пользу этого учения, да и опасаться этого нечего; но мы были бы очень неразумны, ежели бы, под предлогом допущения научной полемики, разрешили колебать православие в нашем народе. Требуя для католицизма права свободной пропаганды, г-н Соловьев забывает еще одно очень важное обстоятельство. Если бы мы решились подвергнуть наш народ такому «эксперименту», могли ли бы мы рассчитывать на взаимность со стороны Католической Церкви? — Нет! Ведь она запрещает своему народу чтение Евангелия! Можем ли мы поверить, чтобы она, *bona fide*¹⁰, разрешила ему чтение наших полемических статей?! В Евангелии находится много несогласного с ее теориями, а наши полемические статьи будут основаны на том же Евангелии и на учении вселенской Церкви и направлены уже прямо против Рима. Пусть Католическая Церковь снимет прежде запрещение с слова Божия и уничтожит *index librorum prohibitorum*¹¹, тогда мы подумаем о «взаимной свободной пропаганде». Что касается до указаний г. Соловьева на «неправильность нашего церковного положения», то, конечно, во многом с ним придется согласиться. Но почтенный автор идет далее, и мне приходится коснуться еще очень важного вопроса, решенного г. Соловьевым. Слишком скоро он говорит, что после разделения Церквей Вселенского собора собираемо не было, стало быть, о новшествах Рима мы судить не можем, может быть, они и правильны, *не* еретичны.

Такой вывод, очевидно, натянут. Ведь по этому нет той новой ереси, новой нелепости, которую бы нельзя было защитить; этим путем можно доказывать нееретичность даже самых крайних протестантов, мормонов и т. д.

Задолго до 1870 года в учение Западной Церкви начинали вкрадываться разные заблуждения, разные неправильности, однако все они могли еще кое-как уживаться с идеею Церкви. Хотя борьба Рима против автономии местных Церквей уже носит в себе зародыш будущих зол, но все же в ложных учениях Рима не проявилось того, что составляет признак ереси окончательной. Но что представляет постановление Ватиканского собора? Какой его отличительный признак? Именно тот, который составляет отличительный признак неправимой, окончательной ереси — бунт против вселенской Церкви,

непризнание ее авторитета. Папа в 1870 году не ограничивается провозглашением себя непогрешимым, он не только со всевозможной ясностью и полнотою утверждает это мнимое свое право, он не только торжественно и кичливо бросает его в лицо своим недоброжелателям, нет — он отнимает у своих собственных сторонников даже всякую возможность воспользоваться какою-нибудь неясностью в изложении нового догмата, вроде той, которая окружала постановления собора в Триденте о власти папы. Папа не только говорит: «Я непогрешим!» Нет — этого ему мало; ведь, пожалуй, кто-нибудь спросит: «Хорошо, ты непогрешим, а где же Церковь? При чем же останется ее непогрешимость? Не нужно ли ее согласия?» — «Нет, — отвечает папа, — не нужно мне ее согласия, я непогрешим лично, из себя, без ее согласия, *ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae*¹², хочу — справлюсь с ее мнением, снизойду до этого, не хочу — обойдусь и без Церкви!» Это ли не презрение ее авторитета? Это ли не очевидно и ясно утверждаемое право возмущения!? Ни один из древних еретиков не высказывал такого презрения к Церкви; все они старались укрыться ее авторитетом, все они старались доказать, что они «с Церковью»; они старались кого убеждением, кого угрозами, кого лестью переманить на свою сторону, устроить, хоть «разбойничье», большинство, но ни у одного из них не хватило духа — прямо сказать сонму представителей Церкви: «Что мне ваше мнение! На что оно мне!?» «Аз есмь истина». Это решился сказать лишь Пий IX. Не страшней ли это всего того, что говорили еретики первых веков христианской эры, касавшиеся иногда таких богословских вопросов, которых и самое понимание доступно лишь уму, усвоившему все тонкости метафизики (и преимущественно метафизики неоплатоников)?

Для того чтобы смягчить жестокость постановлений Ватиканского собора, либеральные (вернее трусливые) католики указывают на пресловутое выражение «*ex cathedra*», в котором они видят как бы конституционную гарантию против возможного самовластия папы; но ведь папа говорит *ex cathedra* всякий раз, когда он обращается ко всем католикам как вселенский учитель и опирается на свой апостольский авторитет; очевидно, стало быть, что от него самого зависит придать всему чему угодно характер сказанного *ex cathedra*, сделать все что угодно обязательным для всех католиков. Где же тут гарантия?! И это старается защитить г. Соловьев!

Столь же странным кажется то, что почтенный автор говорит о выражении: *non autem ex consensu Ecclesiae* («а не с согласия Церкви»); он утверждает, что это выражение не придает организации Церкви деспотического характера, что это выражение не исключает соборного начала в Церкви! Что это значит лишь, что «решения папы могут

иметь законную силу и без формального согласия епископов и прочих верующих», но ведь «епископы и прочие верующие» и суть Церковь. А ежели решения папы могут обойтись без их совета, то ему и нечего с ними советоваться.

Богословы учат, что перед милосердием Божиим и перед истинным раскаянием человека не может устоять ни один грех, за исключением лишь греха против «Духа Свята», т. е. против всей совокупности учения христианского, против самой воли Божией, в нем выражающейся. Параллельно с этим идет и учение о значении Церкви, о ее власти. Пребывание в ней и с нею есть высшее благо, разъединение с нею — высшее зло, высшее преступление, влекущее за собою и высшее наказание. Так Иисус Христос говорит про человека, противящегося Церкви: «Аще же и Церковь преслушает, буди тебе яко язычник и мытарь» [Мф. 18: 17]. Но не заключают ли страшные слова, сказанные папой Пием IX — «non autem ex consensu Ecclesiae», именно то принципиальное восстание против Церкви, против Духа Свята, которое составляет грех непрощаемый? Не выражают ли они то «преслушание», которое влечет за собою *выход из Церкви*, превращает человека как бы в «язычника»?!

Ограничивая значение нашей Церкви (как вселенской), г-н Соловьев проектирует какое-то странное размежевание между Востоком и Западом и предлагает нам сосредоточить наше единство (церковное?!!) в лице «христианского царя», он видит в этом христианском царе выражение какой-то истинной и многозначительной идеи. Это совершенно верно *в политическом* отношении, но отнюдь не в церковном. В церковном (религиозном) значении оно не имеет никакого смысла, ведь наименование царя «наружным архиереем», «ad extra» выражает *его отношения к Церкви*, а не *положение в Церкви* (в этих словах выражается собственно связь государства с Церковью, ничего более). *В Церкви* царь не имеет никакого особенного места, особенного значения и не может, конечно, претендовать на что-либо подобное; нет, на такое полюбовное размежевание мы не согласны!

В конечный результат истории христианской Церкви я *верю* не менее моего оппонента; разница между нашими взглядами состоит не в понимании этого результата, для нас обоих одинаково дорогого, а лишь в средствах к его достижению. В. С. Соловьев полагает, что мы должны стремиться к воссоединению с Католическою Церковью *в ее настоящем виде, в том виде, в каком она находится в настоящее время*, я полагаю, что это дело совершенно невозможное и нежелательное; что для того, чтобы это воссоединение могло состояться, необходимо, чтобы Церковь Католическая сделалась настолько же православною, насколько она была православною до великого раскола;

необходимо, чтобы она возвратилась вспять, проверила свою исходную точку и торжественно бы от нее отказалась (конечно, не перед нами, Востоком, а перед общей нашей матерью вселенской Церковью). Тогда только, уже обновленная, Церковь Запада, соединившись с нами и вместе с нами, поведет человечество по предназначенному ему Господом пути! Мой оппонент, может быть, скажет мне на это: ваши требования несправедливы, ибо неодинаковы для Востока и Запада; вы требуете весьма различных жертв от спорящих сторон; нам, Церкви Восточной, не придется жертвовать нашими догматами, нам придется лишь признать законность некоторых мнений, некоторых обрядов Западной Церкви, которые мы когда-то не в меру хулили и на которые Церковь эта как автокефальная имеет неоспоримое право. От Запада же вы требуете гораздо большего, вы требуете, чтобы он возвратился к учению неразделенной Церкви, чтобы он, стало быть, отказался от некоторых из догматов своего учения. Замечание это, совершенно верное, не может, однако, служить возражением. Что требования эти различны, это не подлежит сомнению, но они справедливы, и виновата в них сама западная Церковь, отошедшая столь далеко от Церкви неразделенной. Эта жертва своих *новых, присочиненных* догматов и составляет необходимую и вполне заслуженную кару, которую должен нести Запад за свое отступничество от вселенского единства, за то, что свой эгоизм, свое личное мнение поставил выше любви и выше мнения всей Церкви, за то именно, против чего столь справедливо и ополчается В. С. Соловьев. Лишь только это обращение к древнему догмату неразделенной Церкви совершится (а что оно совершится, в этом нам служит порукою логика истории), совершится само собою и воссоединение Запада и Востока, и наступит та эра, которую с одинаковым нетерпением ожидают все те, которые понимают, что лишь в союзе с Церковью государство может исполнить свое призвание, может сделаться действительно христианским.

Сказанным, впрочем, отнюдь не слагается с нас самих обязанность неустанно работать в том же направлении.

